

Надежда Нелидова

жесткие нравы

ПРАКТИКАНТКА

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Практикантка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Практикантка / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

«Главврач провела смущённую Аню по кабинетам и палатам. Представила везде, как очень важную персону: – Практикантка, будущий врач – а пока наша новая санитарочка! Прошу любить и жаловать!..»

Содержание

ЧАСТЬ 1. ОФИГЕНИЯ В ОБИДЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Надежда Нелидова

ПРАКТИКАНТКА

ЧАСТЬ 1. ОФИГЕНИЯ В ОБИДЕ

– Боже, какая прелесть!

Старенький дребезжащий автобус вёз второкурсницу мединститута Аню и пассажиров по белой пыльной дороге. Мимо окошек проносились седые от пыли берёзы и ёлки.

Мелькали остановки. Вместо прежних громоздких железных, облезлых коробок радовали глаз лёгкие, весёленькие павильончики из яркого голубого, жёлтого, зелёного поликарбоната.

Автобус останавливался, высаживая пассажиров. И Аня с грустью наблюдала в углах павильонов всё те же коричневые сохлые и свежие, вонючие пирамидки. Над ними с пчелиным гулом роились, пировали тучи больших зелёных мух. Ничего не изменилось с тех пор, как Аня покинула эти места. По-прежнему население воспринимало остановки как места, где можно и даже необходимо справить нужду.

И нарядный новенький поликарбонат уже уродливо расплзался, зиял рваными, оплавленными дырами. «Молодёжь балует, – кивнула Анина соседка, заметив её взгляд. – Окурки забрасывают на крышу. Руки у них маются от безделья». «А души и головы – от пустоты», – мысленно дополнила Аня.

Там и сям тянулись свалки, в основном из пластика и строительного хлама. Машины с мусором не удосуживались хотя бы заехать в глубь леса – валили прямо у дороги.

Чем дальше, тем больше нагло выпирал к кюветам разросшийся молодой, разлапистый борщевик. Насколько хватало глаз: там, где раньше волнами ходили нежные всходы овса и ржи – всюду простирались, жирно, ядовито зеленели борщевичные заросли.

«Скоро мы будем гулять в борщевичных лесах. Хотя, пожалуй, после прогулки угодишь с волдырями II степени в ожоговый центр, – грустно подумала Аня. Она любила эту землю, и ей было грустно оттого, что люди с нею делали.

Но на одном повороте неожиданно выплыла, ослепила глаза дородная, кружевная, нарядная как невеста, церковь. Здесь шофёр посадил группку малышей, во главе с пожилой женщиной. Деревенский детский садик. Мальчики в картузиках, девочки в беленьких платочках.

Женщина-воспитательница протянула водителю полную пригоршню мелочи. Пожилой шофёр махнул крупной коричневой ладонью:

– Чего там! Ехайте.

У Ани и так настроение было приподнятое, каникулярное. А при этой домашней сценке на сердце разлилось ещё больше уюта и тихой, светлой радости. На следующей развилке малыши посыпались из автобуса, как горох. Аня насчитала их числом шестнадцать. Выпрыгивая, каждый мужичок (и бабёночка) с ноготок пищали:

– СпащибО! – именно через «щ» и с ударением на последнем слове. 16 горошинок – 16 очаровательных «спащибО». Ехавшая впереди городская дама бурно умилялась:

– Боже, какая прелесть! Как маленькие французики! Откуда такой забавный акцент?

Аня думала: «Откуда, откуда. Шепелявость – это они переняли от бабушек, милые повторышки и попугайчики. А беззубость – бич всей деревни. Раньше не было врачей, сейчас – денег на врачей. Пойдут в школу – и застыдятся, и потихоньку отвыкнут от родного диалекта, и будут акать и говорить, проглатывая слоги, торопливо и скучно, как все».

Аня ведь была из этих мест и обиделась за «забавный акцент».

По закону подлости, в первый же день практики она жестоко простыла и месяц провалялась с бронхитом. Теперь нужно было отрабатывать, на выбор: в городской лаборатории мыть пузырьки или санитаркой – в сельской больнице. Ну конечно, лето в деревне – что может быть лучше!

Она и не подозревала, что остались такие больницы: окружённые стеной угрюмых елей, тёмные, деревянные. Построенные в середине прошлого года, ещё с печным отоплением.

В уборную в конце коридора Аня шагнула с опаской, памятуя о городских общественных туалетах, с убойным запахом и лужами на полу. Но здесь на половицах сияла свежая масляная краска, на окошке полоскалась под ветерком подсинённая марлечка. На полочке рулон туалетной бумаги и баллончик с дешёвым освежителем воздуха. На стене листок: *«Уважайте труд санитарок!»*

Чуть ниже ещё распечатанный листок, творческий, с юморком:

«Просьба, вне зависимости от поставленных целей и результатов, смывать за собой! Если достигнутые результаты превзошли ожидания – не забудьте воспользоваться ёршиком!»

Больница отживала последние дни: на краю посёлка высилась готовая к сдаче новая кирпичная, двухэтажная.

Главврача звали Валентина Ивановна Дебелая. Дебелая – не комплекция, а фамилия. Впрочем, фамилия вполне соответствовала комплекции.

– Как знаешь, красотуля, – добродушно прогудела она, вертя Анино направление из деканата. – По положению, мы имеем право взять тебя на шесть часов в день. Но это нам ни к селу, ни к городу, одна морока. Как говорится: если бы все положения выполнялись, мы бы давно при коммунизме жили, – Валентина Ивановна поколебала обтянутыми халатом необъятными грудями: посмеялась. – Давай так: берём на полное рабочее время и платим как штатной единице. Немного, но подзаработаешь. А нам, грешникам, Бог простит.

Скрипя жалобно прогибающимися под её весом хлипкими половицами, она провела смущённую Аню по кабинетам и палатам. Представила везде, как очень важную персону:

– Практикантка, будущий врач – а пока наша новая санитарочка! Прошу любить и жаловать.

Все доброжелательно кивали, улыбались и дружно выражали сожаление, что Аня работает только один месяц. Особенно мужская палата сожалела.

Мужская здесь была одна: травматологическая.

– Сельские мужики болеть не любят. Если только совсем прижмёт или ЧП, – объяснила Валентина Ивановна уже в коридоре. Незаметно показала в открытую дверь:

– Вон тот герой от большого ума в незнакомый омут сиганул, а там – коряга. Поддатый, конечно, был. Тот на мотоцикле разбился, тоже в алкогольном угаре. Этот из леспромхоза, с бригадой дерево валил. Оказалось свилеватое: крутанулось вокруг оси, не успел отскочить. Перелом основания черепа, неделю как вышел из комы. У двоих прогноз неблагоприятный: до конца жизни прикованы к койкам. Но ты не им проболтайся. Наоборот, поддерживай: мол, всё хорошо, на ноги встанете.

Аня, проходя мимо курилки, слышала вслед восхищённый присвист:

– Офигенная девушка!

– И прикид такой... Ничего.

Она ещё не успела переоблачиться в медицинскую голубую спецодежду. На ней была модная блузка в обличку, тугие голубые джинсы.

– Слышь, как раз книжку читаю: «Ифигения в Авлиде». А у нас, итить твою, теперь своя Офигения в прикиде! И-эх, отвали, моя черешня, я черёмуху люблю!

Какой здесь, оказывается, начитанный народ...

Дневная смена – от рассвета до заката, 12 часов. Ночная тоже двенадцатичасовая – день через два: отсыпной, выходной. Чем хороша работа санитарки – смена пролетает как одна минута. Не успеешь заступить – уже вечер. Или утро. «Аня, заработалась?! Домой пора».

Горшки, судна, утки. Смена белья. Умывание-подмывание, кормление лежачих. Еду нужно нести на коромысле из пищеблока, избушки-развалюшки под могучей елью. Два десятилитровых эмалированных ведра: в одном колышется до краёв налитый огнедышащий рассольник. В другом ведре гора гарнира, вверху котлеты. Компот отдельно. Потом без передыха – на раздаче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.